

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. В. МАВРОДИН

К ВОПРОСУ ОБ «АНТАХ» ПСЕВДОМАВРИКИЯ

Советская наука уделяет большое внимание древнейшей истории восточных славян, периоду восточнославянского единства времен Киевской Руси, а также более ранних. В этой связи большой интерес представляет вопрос об антах.

В № 2 журнала «Советская этнография» за 1953 г. опубликована статья М. Ю. Брайчевского «Об „антах“ Псевдомаврикия». Она по-новому, свежо и оригинально решает некоторые важные вопросы древнейшей истории восточного славянства. Автор ее весьма умело анализирует текст «Стратегикона» и, опираясь на некоторые другие синхронные письменные источники и на археологические материалы, приходит к весьма убедительным выводам.

Основные положения М. Ю. Брайчевского: 1) о переселении части северян из Приднепровья на Дунай и за Дунай, 2) о различном уровне культурного и социального развития восточных славян, 3) о принадлежности «антов» «Стратегикона» к северянам, переселившимся за Дунай, — мне кажется, вполне приемлемы и заслуживают внимания.

Откликаясь на предложение редакции «Советской этнографии», обратившейся к специалистам с просьбой высказаться по затронутым в статье М. Ю. Брайчевского вопросам, я со своей стороны, оговорив свое несогласие с трактовкой ее автором отдельных проблем, хочу лишь уточнить некоторые вопросы, дополнить и расширить некоторые положения.

Статью М. Ю. Брайчевского следует приветствовать прежде всего потому, что она еще раз обратила внимание советских историков на необходимость серьезной научной критики источников о славянах. Это тем более необходимо потому, что у нас появилось немало работ, посвященных вопросам этнического и социального развития восточных славян, основанных либо на вольном обращении с источниками, либо на умозрительных заключениях.

По вопросам этнического развития славянства, вопреки прямому указанию И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»¹, т. е. в период первобытно-общинного строя, — некоторые исследователи считают возможным держаться мнения о «происхождении славян»² примерно лишь около

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 26.

² Термин «происхождение славян», как вообще термин «происхождение» того или иного народа, вызывает сомнения. «Произошёл» народ не может, ибо любой народ имеет физических и языковых предков, существовавших в очень отдаленную эпоху. Можно говорить лишь о том, что состояние языковедческой, археологической, исторической и этнографической науки на данном этапе позволяет нам проследить древнейшие судьбы предков данного народа, начиная только с такого-то времени.

нашей эры. Между тем нет никакого сомнения в том, что археологические культуры, приписываемые славянам той поры, выросли из других, более древних культур, созданных предками славян; что же касается языка славян того времени, то он включал основной словарный фонд, использованный «в течение ряда исторических периодов»³, задолго предшествовавших новой эре, и имел «выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй»⁴, корни которых восходят к глубокой древности⁵.

С другой стороны, имеет место и модернизация, сказывающаяся в стремлении без каких-либо ссылок на источники утверждать развитие феодальных отношений и складывание государства у восточных славян в первые века н. э., чем повторяется ошибка, допущенная в свое время С. В. Юшковым, считавшим Киевское государство продолжением скифского государства... VIII в. до н. э.⁶

Статья М. Ю. Брайчевского свободна от этой ошибки, так как он, как и некоторые другие советские археологи (П. Н. Третьяков, Н. Н. Воронин, И. И. Ляпушкин), совершенно справедливо подчеркивает неодинаковые темпы общественного и культурного развития различных частей восточнославянского мира. Этим и объясняются противоречивые характеристики, которые дают военному искусству антов современные им византийские источники. В одних источниках анты — прекрасные воины, «доблестные» и «энергичные» (Прокопий Кесарийский), «храбрейшие» из славян (Иордан); Иоанн Эфесский сообщает, что анты «научились вести войну лучше, чем римляне»⁷. Военачальники антов занимали важные посты в войске Византии (Анангаст командовал фракийскими войсками Византии в 469 г., Хвалибуд начальствовал над всеми византийскими гарнизонами по Дунаю в 30-х годах VI в., высокий пост в войске «ромеев» занимал Всегорд, а Доброгаст командовал византийской Черноморской флотилией), их лодьи принимают участие в осаде Константинополя с моря в 626 г.⁸ В то же самое время «анты» «Стратегикона» в военном искусстве еще далеки от совершенства.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

⁴ Там же.

⁵ Не имея возможности подробно аргументировать высказанное предположение, считаем необходимым отметить, что общеславянский характер наименований орудий охоты и рыбной ловли (лук, стрела, тетива, тул, невод, мережа, верша и др.), а также наименования рыб, зверей и птиц (рыба, икра, окунь, щука, линь, язь, плотва, короп, ерш, олень, тур и др.) говорят о наличии элементов славянской речи еще в те времена, когда охота и рыбная ловля играли весьма существенную, если не решающую роль в жизни человека. Элементы славянской речи уже имели место в то время, когда еще не был изжит материнский род, т. е. во времена господства охоты и рыболовства у племен неолитической Европы. Об этом говорит наличие в славянских языках особых терминов для обозначения степени родства и по отцовской, и по материнской линии («уй», «нетий», упоминание о «сестрине сынови» даже в «Русской Правде», совпадение значений «бабушка»-«баба» и «замужняя женщина» — пережиток материнского рода, когда «баба» была родоначальницей, «большухой», «домачицей», один и тот же термин для обозначения «сына» и «племянника», а именно «сыновъць» и т. п.). См. Л. П. Якубский, Образование народностей и их языков, «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1947, № 1.

⁶ С. В. Юшков, Учебное пособие по истории государства и права СССР, вып. I—II, стр. 3—4; его же, Рецензия на книгу Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства», «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 141—142. В этом отношении мне кажется более правильным суждение Л. В. Черепнина, который, исходя из указаний И. В. Сталина о том, что «феодалная собственность на землю» является основой феодализма (И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 41), считает, что феодалная собственность на Руси формируется в IX—XII вв., а следовательно, и государство складывается в IX в. (см. «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 62).

⁷ «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 252.

⁸ М. Г. Джанашивили, К материалам по истории и древностям Грузии и России, 1912, стр. 117, 124; «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 27, 1900, стр. I—VI, 1—43. Сообщение Георгия Мтацмидели (XI в.) о событиях 626 г., в которых самое активное участие принимали «скифы... кои суть рус-

Эти противоречия можно будет объяснить, если мы, согласно М. Ю. Брайчевскому, признаем в «антах» «Стратегикона» северян, создателей примитивной и архаичной культуры городищ роменско-борщевского типа, переселившихся с Подесенья и Посемья на Дунай⁹.

Правда, эта точка зрения, видимо, не будет в одинаковой мере разделена всеми археологами и историками.

В своей статье «Древние русы» Б. А. Рыбаков, считая северян составной (восточной) частью племенного союза русов V—VI вв., определяет их культуру, как высокую культуру эпохи «военной демократии», что противоречит общему представлению об отсталости культуры городищ роменско-борщевского типа, в северянской принадлежности которых (не считая Подонья) никто не сомневается¹⁰. В свое время и сам Б. А. Рыбаков писал о том, что роменская культура северян — это «довольно примитивная культура»¹¹.

Мне кажется, что это противоречие разрешается тем, что северяне Подесенья и Посемья еще в IX—X вв. жили в городищах роменского типа с их архаической культурой, тогда как определенная их часть, объединенная в дружины, «северские бродники», как их называет Б. А. Рыбаков, в походах и войнах, в процессе торговых и культурных связей встала на более высокую ступень общественного и культурного развития и включилась в жизнь так называемого «варварского» мира Причерноморья.

Передвижения славян в первые века и в середине I тысячелетия н. э. отнюдь не были одной и единственной волной, захлестнувшей огромную территорию. Из глубин славянского мира на юг и юго-запад волны переселений выплескивались одна за другой. Постепенно включались в «великое переселение народов» славянские племена, обитавшие на все более и более отдаленных от границ Восточно-Римской империи землях. Вначале в великое передвижение славян включились южные и юго-западные группы, затем, позднее, славянские племена более северных земель, и наконец, — обитатели лесной полосы Восточной Европы.

Юго-западная ветвь восточного славянства — анты — уже в первые века нашей эры расселились по землям, прилегающим к северному побережью Черного моря. Антам III—IV вв. принадлежит черняховская культура, широко распространенная на Днестре, Южном Буге, на низовьях Днепра. Это были племена, знавшие высокоразвитое пашенное земледелие, хорошо оснащенное совершенными земледельческими орудиями, раз-

---

ские», прибывшие к Константинополю на своих лодях, «каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева», и сжигавшие трупы своих убитых соотечественников, как это делали они у себя на родине, в северной, лесной полосе Восточной Европы. — приобретает еще больший интерес в свете предположений о древних русах, высказанных Б. А. Рыбаковым в статье «Древние русы», опубликованной в 1953 г. в «Советской археологии», т. XVII; см. также В. В. Мавродин, Начало мореходства на Руси, 1949, стр. 12—13.

⁹ И. И. Ляпушкин, Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья, «Советская археология», т. XIII, 1950; его же, Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXI, 1947; его же, О датировке городищ роменско-борщевской культуры, «Советская археология», т. IX, 1947; его же, Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского Левобережья, «Советская археология», т. XII, 1950, стр. 55.

¹⁰ А. И. Першиц совершенно справедливо и своевременно поставил вопрос о «военной демократии» как последнем периоде развития патриархальных, первобытно-общинных отношений, когда исчезает соответствие между развитием производительных сил и существующими производственными отношениями. Большую роль в развитии этого противоречия сыграло открытое людьми искусство добычи и обработки металла, в частности железа. Разложение первобытно-общинных отношений проходило медленно и постепенно, и период «военной демократии» — преддверие классового общества — занимает немалое время в истории народов, в том числе и славянских (см. А. И. Першиц, О «военной демократии», «Советская этнография», 1953, № 2).

¹¹ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, «Советская этнография», сб. VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 94.

витое ремесленное производство, торговлю, денежное обращение, накопление богатств, имущественное расслоение, союзы племен. В III—IV вв. на низовьях Южного Буга, у Ольвии и в сопредельных землях усиливаются элементы черняховской культуры, а это говорит о растущем потоке каких-то групп восточного славянства, устремлявшихся на юго-запад к Черноморскому побережью, к низовьям Дуная, где одновременно продвигались на юг, на Балканский полуостров славянские племена, являвшиеся предками современных южнославянских народов и появлялась славянская топонимика («Pelso», «Bistra», «Tsierna» — надпись «dzoapa» и т. д.)¹².

К этому же времени, т. е. к первым векам н. э., относятся обнаруженные в поселениях южного Побужья той поры и в Ольвии каменные рельефы с изображением танцующих женщин. Женщины изображены в негреческих, длинных одеждах, некоторые в своеобразной позе танца (одна рука упирается в бедро, а другая изогнута над головой). И одежды, и поза танцующих, и сам танец типа хоровода или коло очень характерны для славян. Нет сомнения в том, что перед нами изображения танцующих славянских женщин¹³.

Среди изображений «варваров» на колонне Трояна, стоящей у села Адамклиси в Добрудже, имеются изображения с типично славянскими чертами (длинная одежда, волосы, ниспадающие на уши и виски, прямые, длинные усы, остроконечные бороды). Относятся эти изображения к первым векам н. э., ко времени липицкого варианта культуры «полей погребальных урн»¹⁴.

К III—IV вв. н. э. относится заселение славянами правого берега Днепровской Луки (Привольное, Ново-Александровка, Никольское, Волошское и др.). Славяне Днепровской Луки жили в открытых поселениях, в землянках, состоящих из двух камер. Для культуры славян Днепровской Луки характерны высоко развитые ремесла (гончарный круг, лощеная керамика), частная собственность (ключи от замков), «военная демократия» (мечи и другое оружие). В начале (III в. н. э.) на Нижнем Днепре появились небольшие группы славян (находки керамики корчеватовско-зарубинецкого и черняховского типа и бескурганых погребений с трупосожжением). Отсюда, включившись в «великое переселение народов», восточные группы славян выходят на Дунай¹⁵.

Следовательно, уже в первые века н. э. восточные славяне вышли к берегам Черного моря, к низовьям Дуная и освоили устья черноморских рек.

К этому же времени относится появление восточных славян в Крыму.

Уже в III—IV вв. н. э. древние славяне вместе с сарматами проникают в Крым. Могильники III—IV вв. у Инкермана, Ай-Тодора и у с. Черно-речьё содержат находки, близкие к славянским вещам среднего При-

¹² П. П. Ефременко, Итоги работ и задачи Института археологии АН УССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Доклады VI научной конференции Института археологии», Киев, 1953, стр. 15—17; П. Н. Третьяков, Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании, там же, стр. 37; М. Ю. Смишко, Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLIV; Г. Б. Федоров, Славяне Поднестровья, «Вестник АН СССР», 1952, № 2; В. И. Довженок, Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковицы с Поднестровья, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLVIII.

¹³ В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина, К вопросу о культуре античных городов, «Советская археология», т. XV, стр. 180; В. А. Городцов, Дарко-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Труды Гос. историч. музея», 1926, стр. 16—17.

¹⁴ М. Ю. Смишко, Указ. соч., стр. 67—82; М. А. Тиханова, Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э., «Краткие сообщения ИИМК», т. VIII, стр. 69—71.

¹⁵ Ю. В. Кухаренко, Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (автореферат диссертации), М., 1951.

днепровья времен «культуры полей погребальных урн». Советские археологи приписывают славянам обычай трупосожжения, обнаруживаемый в ряде могильников Крыма той поры. Таковы погребения в урнах из Херсонеса, сопровождающиеся славянскими фибулами с красной эмалью. Связи славян и сарматов в первые века н. э. зафиксированы и в письменных источниках (Тацит), и в памятниках материальной культуры. Археологам известны погребения сарматов с типичным для славян трупосожжением типа «полей погребальных урн», а среди погребений «полей погребальных урн» встречаются захоронения сарматов¹⁶.

III вском нашей эры датируется надпись из Керчи с мужским именем «Λυτας»¹⁷.

О появлении славян в Крыму говорит распространение в VI—VII вв. бронзовых лучевых («пальчатых») фибул, столь характерных для Приднепровья. Они были обнаружены в Херсонесе, Артеке, Керчи, Суук-Су. Все эти древнейшие находки славянских фибул имели место по южному берегу Крыма, что говорит о древности морского пути восточных славян вдоль побережья Крыма на восток, к Дону и Тамани¹⁸.

Следами проникновения восточных славян, «русов», на юг и юго-восток являются находки могильника у Суук-Су, раннеславянской керамики и клейм, близких к «княжеским знакам» Киевской Руси (трезубцы) у с. Планерское близ Феодосии в Крыму (VII—IX вв.), Борисовского могильника VIII—IX вв. у Геленджика, на Северном Кавказе, с типичным славянским трупосожжением, неизвестным на Кавказе, упоминание о русской речи воинов «хазар», осаждавших в VII в. Тифлис¹⁹.

Все приведенные выше материалы говорят о том, что древнейшая волна переселений славян, зародившаяся на юге славянских земель, уже в первые века нашей эры докатилась до Черноморского побережья и низовьев Дуная. Ее носителями были славянские племена, предки южных и восточных славян (анты), стоявшие на высокой ступени развития материальной и духовной культуры и переживавшие эпоху «военной демократии», когда война стала «функцией народной жизни» (Ф. Энгельс). В составе этой славянской волны, вполне вероятно, были и какие-то дружины северян, «северские бродники», стоявшие на том же высоком уровне развития материального производства и общественной жизни, на котором стояли и другие славянские племена или части племен, переселявшиеся в придунайские земли. Этого нельзя сказать об их соплеменниках — северянах, оставшихся на старых местах, на территории днепровского левого бережья. Здесь они оставались на том уровне развития материальной культуры и общественной жизни, который так ярко рисует нам роменская культура.

Но «северские бродники» отнюдь не были единственной частью северян Придесенья, принявших участие в передвижениях на юг, на Дунай и в задунайские земли. В более позднее время, в VI—VII вв., имели место новые переселения определенных частей племени северян, причем отдельные

¹⁶ Ю. В. Кухаренко, Указ. соч.; Б. А. Рыбаков, Уличи, «Краткие сообщения ИИМК», т. XXXV, стр. 11.

¹⁷ А. Л. Погодин, Эпиграфические следы славянства, «Сборник статей по археологии и этнографии», 1902.

¹⁸ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М.—Л., 1948, стр. 47—71; В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 222; Е. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, К вопросу о славянах в Крыму, «Вопросы истории», 1952, № 4, стр. 96—98; И. И. Ляпушкин, Памятники «полей погребений»..., стр. 28—29; А. П. Смирнов, К вопросу о славянах в Крыму, «Вестник древней истории», 1953, № 3; Б. А. Рыбаков, Славяне в Крыму и на Тамани, Крымиздат, 1952 (тезисы доклада на сессии по истории Крыма).

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Древние русы, стр. 95; В. П. Бабенчиков, Средневековые поселения близ с. Планерское, «Краткие сообщения ИИМК», т. XLIX, стр. 104—116; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 60.

семейные общины, принявшие в них участие, выходили из самых глубин северянских лесов.

Стремление к плодородным землям юга, обусловленное ростом значения земледелия в хозяйстве северных, лесных восточнославянских племен, естественная тяга к освоению богатых в природном отношении земель, частично запустевших в результате передвижения на юг соседей-соплеменников, вступление в эпоху «военной демократии», когда походы и передвижения, войны и военная добыча становятся обычным явлением, включение в великую борьбу славян с Восточно-Римской империей — таковы были побудительные мотивы, заставившие какие-то группы северян оставить свои леса днепровского левобережья и устремиться на юг. Но на этот раз это были не только воины-дружинники, не просто «северские бродники».

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Ф. Энгельс отмечает, что «...речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом»²⁰. Этим и объясняется появление за Дунаем не только северян, но и дреговичей, которые, обитая в окрестностях Солуни и в горах Западного Родопа, самым своим наименованием указывали на то, что предки горцев пришли сюда с севера, из покрытых болотами («дрягвами» или «древгами») пуц Полесья, издавна занимаемых дреговичами нашей летописи или Δρογγολβίταιων Константина Багрянородного²¹. В Добрудже в VII в. жили кривичи (krībizi, krobyzy).

Наконец, здесь же, в «Малой Скифии» (Добрудже), в VII в. обитало самое северное из славянских племен Фракии — северяне (seberenses). Переселенные после покорения Добруджи болгарами Аспаруха на юг и в район Видина, они кладут начало возникшему в конце X и начале XI в. Северскому или Краёвскому (Крайовскому) княжеству. Захваченное венграми в 1330 г., оно переходит к волохам (румынам) и становится зародышем Валашского государства. Память о северянах сохранялась здесь еще в XVIII в. и существовал «бан Северский и Краёвский». В топонимике память о северянах сохранилась по настоящее время (Турну-Северин у Крайовы и Видина). Н. С. Державин усматривал их далеких потомков в гаджалах и гагаузах района Герлова в Болгарии²².

Небезинтересно то обстоятельство, что, по «Хронографу» Феофана, северяне на Дунае соседят с кривичами, и невольно вспоминается то место из «Повести временных лет», где говорится о кривичах и северянах: «Туде бо седять кривичи; та же север ют них». Возможно, что в глубокой древности далеко на севере, в лесах Восточной Европы, оба эти племени были близки друг другу и соседнили.

Нет сомнения в том, что северяне на Дунае являются выходцами из земель восточнославянских северян.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 344.

²¹ «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 58; М. Н. Тихомиров, Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время, «Исторический журнал», 1941, № 10—11; А. В. Успенская, Белорусское Полесье в X—XIII вв., 1953 г. (автореферат).

²² А. Ф. Чертков, О переселении фракийских племен за Дунай, «Временник Московского общества истории и древностей Российских», т. X, 1851, стр. 65—68, 88—89, 111—115; М. Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, «Чтения в обществе истории и древностей Российских», кн. IV, 1872, стр. 152—153; Н. С. Державин, О наименовании и этнической принадлежности гагаузов, «Советская этнография», 1937, № 1, стр. 85; К. В. Шкорпил, О земляных укреплениях и окопах. Историко-археологическое значение Абоы и ее окрестностей, «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. X, София, 1905, стр. 561. Характерно, что термин «север», «северяне» длительное время сохранялся и сохранился на территории левобережья («северуки» и «северские уходы», «северские города», «Северская Украина» XVI—XVII вв., «Северский Донец», «Новгород-Северск» и другие топонимические обозначения наших дней).

По «Хронографу» Феофана, в Добрудже они занимали земли вдоль течения реки Ольты — двойника Альты (Ольты, Лты) днепровского левобережья, их далекой родины. Тут же лежала Рыла, где возник знаменитый болгарский монастырь Ивана Рыльского. Рыла впадает в Сейм в земле восточнославянских северян. У впадения Рылы в Сейм стоит город Рыльск. Древнейшее городище Рыльска расположено на горе Ивана Рыльского, где стояла церковь его имени. Слои этого городища разновременны: нижние восходят к зольничной культуре («скифов-пахарей»), более поздние — к роменской культуре и еще более поздние — к великокняжеской²³. Рыльск был одним из древнейших городов северян.

Необходимо отметить, что термин «северяне» в обозначении одного из славянских племен встречается не только на территории Приднепровья и Подунавья. Подобно тому, как были поляне «ляшские» (польские) и «русьские», дулебы чешские и восточнославянские, хорваты карпатские и адриатические, так и северяне мы находим в разных местах славянского мира. Северяне жили в верховьях реки Варты, северо-западнее Кракова. Здесь было расположено Северское княжество с главным городом Северж²⁴.

У Географа Баварского, памятника, к сожалению, плохо изученного, но представляющего большую ценность для исследования истории славян, мы встречаем ряд племен, названия которых близки к термину «север», «северянин», а именно: 1) «свирыяне», 2) «себирцы» или «саберцы», 3) «северие», 4) «сербяне». Судя по контексту, все они обитатели Восточной Европы²⁵.

В данном случае речь идет не просто о совпадении названий, а о передвижениях племен или частей племен.

В «антах» «Стратегикона» следует усматривать ту часть северян, которая, отделившись от основного племени, попрежнему занимавшего лесостепную полосу левобережья Днепра, переселилась в Добруджу. И, как уже отмечалось, это были не дружинники-северяне, впитавшие культуру разноязычных племен Северного Причерноморья эпохи «военной демократии», а именно часть племени — северяне-общинники, принесшие сюда, на юг, из своих придесенских и посеимских лесов специфическую «роменскую» («роменско-борщевскую») культуру.

Нет никакого сомнения в том, что если даже, согласно мнению И. И. Ляпушкина, отрицать наличие подземных соединительных ходов между жилищами полуземляночного типа, обнаруженными на Борщевском городище, то все же городища роменско-борщевского типа действительно соответствуют описанию жилищ антов в «Стратегиконе», так как они предполагают наличие ряда выходов из городища. Городище, а не отдельная землянка, и выступает у автора «Стратегикона» в качестве жилища антов. Только так можно понимать известное указание «Стратегикона» о том, что анты «устраивают в своих жилищах много выходов»²⁶. Нельзя думать, что «много выходов» можно устроить в землянке или полуземлянке размером 4 × 4; 4 × 4,5; 4,5 × 5; 6 × 3 м, какие характерны для городищ роменско-борщевского типа. Скорее всего, автор «Стратегикона» считал «жилищем» тех антов, с которыми византийцы сталкивались на Дунае, целое городище, на территории которого располагалось несколько землянок. Оно выступало в его глазах «жилищем», так как это был действительно комплекс жилищ-землянок, окруженных рвом и валом.

²³ И. И. Ляпушкин, Поселения зольничной культуры..., стр. 54—55; см. также Н. Дылевский, Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII веке, София, 1946. К сожалению, автор не упоминает о церкви Ивана Рыльского в г. Рыльске.

²⁴ П. И. Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. III, стр. 207, 250, 337, 338; М. Любавский, История западных славян, М., 1918 (карта).

²⁵ П. И. Шафарик, Указ. соч., XIX приложение, стр. 68—74.

²⁶ См. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253.

Когда византийцы сталкивались с одиночными жилищами антов, то их землянки или полуземлянки со стенами, сплетенными из хвороста или камыша и обмазанными глиной, или шалаши типа позднейших «куреней», «зимовников» и т. п. производили впечатление «жалких хижин», о которых писал Прокопий Кесарийский²⁷. В «жалких хижинах» «много выходов» не сделаешь.

Таким образом, под «жилищами» антов «Стратегикона» следует подразумевать городища роменско-борщевского типа, имевшие действительно «много выходов» в отличие от ограниченного числа выходов в укреплениях позднеантичной и раннесредневековой эпохи греко-римского мира.

Но как понять указание Прокопия Кесарийского о том, что анты «живут... в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства», подтверждаемое свидетельством «Стратегикона», сообщающего, что «они... ведут жизнь бродячую»²⁸?

Во-первых, «жалкими хижинами» для византийцев были, как мы уже писали, землянки, полуземлянки и жилища типа куреней и шалашей. Во-вторых, анты выселялись из городищ. По весне они уходили в лес, в поле, на реки и озера ловить рыбу и птицу, бить зверя, собирать мед диких пчел. Уходили в лес на пушной промысел и зимой. Здесь, в лесу, в поле, на берегу реки, ставили шалаш, рыли землянки, казавшиеся византийцам «жалкими хижинами». Наконец, в-третьих, указание на «жалкие хижины» и на «жизнь бродячую» является следствием того, что византийцы имели дело с передовыми волнами славянской колонизации, имевшей характер военных вторжений, а воинам, жаждавшим славы и добычи и стремившимся все дальше и дальше на юг, включавшимся в движение разноплеменных дружин эпохи «великого переселения народов», было не до возведения городищ²⁹.

В этом отношении совершенно прав Б. А. Рыбаков, считающий, что воины — русы и северяне — принимали участие в различных военных предприятиях, направленных против рабовладельческого мира, и обитатели южной и юго-восточной окраины восточнославянских земель, они самостоятельно или в составе дружинно-племенных объединений доходили до Дуная, Добруджи, Фракии, Грузии, Дагестана, Крыма, низовьев Днепра, «ищуци себе славы, а князю чести», и предвосхищая походы будущих русских бродников³⁰.

Конечно, это не означало, что, придя на Дунай, какая-то часть северян, которую мы считаем второй волной их передвижения на юг и связываем отнюдь не только с походами дружинников-северян, перестала возводить городища, которые покрывали берега рек на их далекой родине, в днепровском левобережье. Отнюдь нет, и сообщение «Стратегикона» о жилищах антов, т. е. северян, является ярким тому доказательством.

Таким образом, можно считать установленным, что в формировании болгарского народа приняли участие не только славяне, но и анты, восточная ветвь славянства³¹.

Заслуживает внимания и вопрос о связях северян с болгарами Аспаруха.

Савиры или савары Птолемея, Певтингеровых таблиц, Стефана Византийского и Приска Паннонского, как и савдараты, являются, несомненно, сарматскими племенами, позднее, после вторжения гуннских племен, ассимилированными тюркоязычными племенами. Характерно, что в

²⁷ Там же, стр. 237.

²⁸ Там же, стр. 237, 253.

²⁹ Б. А. Рыбаков, Древние русы.

³⁰ Там же.

³¹ В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, стр. 58, П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, «Советская этнография», 1948, № 2.

ряде языков (армянском, некоторых кавказских и тюркских) термин «сав» — «сев» выступает в значении «черный» («sevugti» — черные угры, «savardic» — черные сыны, «savr» — наименование балкарцев, потомков черных болгар), что уводит к меланхленам Геродота и савдаратам более позднего времени, название которых означает «черноодетые», «одетые в черное»³².

Связи северянской, салтово-маяцкой и древнеболгарской культуры Дуная (Абоба-Плииска и др.) говорят о том, что еще задолго до «черных клобуков» в гущу славянского оседлого населения проникали «савиры» — «черные болгары», постепенно ассимилируемые и поглощаемые славянами. «Слово о полку Игореве», приводя имена черниговских «былей» — Могутов, Татранов, Шельбилов, Топчаков, Ревугов, Ольберов, по сути дела перечисляет древние тюркские имена³³. Это — не черные клобуки, — позднейшее тюркское население X—XII вв., оседавшее на территории Южной Руси. На территории Северной земли их знали под именами: «торки», «свои поганые», «коуи». Последних и упоминает «Слово о полку Игореве». Черниговские «были» с тюркскими именами — старое черниговское боярство. Повидимому, это и были остатки обрусевшей знати черных болгар. Сам термин «быль» уводит нас в Дунайскую Болгарию. А. И. Соболевский отмечал, что термин «быль» встречается еще в уйгуро-орхонских надписях в смысле «сановник», «вельможа». В том же значении термин «быль» встречается в Венгрии, где, повидимому, своим появлением он обязан кабарам, которые, кстати сказать, в Венгрии, по Константину Багрянородному, носили название «савартиасфалов». Имя «Шельбир» он связывает с «сабирами» (савирами) Приска Паннонского, Стефана Византийского и др.³⁴.

Черные болгары издавна оседали в Северной земле, растворяясь среди местного земледельческого славянского населения, заимствуя его язык и в свою очередь обогащая его за счет некоторых своих слов.

Как тюрки — болгары Аспаруха полностью растворились в среде славян, передав им, кроме своего названия «българин», лишь два слова, вошедших в язык болгар-славян («белег» — знак и «тояга» — палка)³⁵, так и их сородичи — черные болгары — передали восточным славянам, в среде которых они целиком растворились, лишь название знати — «были», да, быть может, два-три слова («чага», «кощей») и свои имена³⁶.

Говоря о скрещении языков, И. В. Сталин подчеркивает: «При этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счёт словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык»³⁷.

³² В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, 1940, стр. 36—37.

³³ Там же, стр. 41—42; С. Е. Малов, Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве», «Известия АН СССР», т. V, вып. 2, 1946.

³⁴ А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды, «Известия Об-ва любителей русского языка и словесности», т. XXVI, 1921, стр. 11; его же, Три слова древней тюрко-болгарской надписи, «Доклады Академии наук», 1929, № 5.

³⁵ П. Н. Третьяков, Произведения И. В. Сталина о языкознании и вопросы этногенеза, Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», 1953, стр. 27.

³⁶ Вопрос о возможной связи наименований «савар», «савир» и «север», «северянин» (по аналогии с «болгар», «българин»), как это мы увидим дальше, на данной стадии его изучения следует считать открытым, хотя есть основания полагать, что положительное его решение больше соответствует исторической действительности.

³⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

Возможно, что и само название «савир», «савар», «север» восходит еще к той далекой поре, когда где-то здесь, на левобережье Днестра, в лесостепи, еще в самом начале нашей эры устанавливались связи венедов и сарматов, о чем писал Тацит. «Я сомневаюсь, причислить ли племена певкинов, венедов и феннов к германцам, или к сарматам... вследствие смешанных браков их облик несколько портится сходством с сарматами. Венеды заимствовали много из их (сарматов.— В. М.) обычаев; ибо они простирают разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и феннами»³⁸.

Эти связи прослежены и археологами. И. И. Ляпушкин отмечает, что в первой половине I тысячелетия нашей эры вся территория левобережья «была занята различными племенами оседлого населения. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировка, может быть определена как сарматская, вторая — по обряду захоронения близка к правобережному населению, которое большинством исследователей считается славянским». В дальнейшем традиции «полей погребений» прослеживаются в памятниках салтово-маяцкой культуры, а на остальной территории появляются памятники роменско-борщевского типа, «по общему облику резко отличающиеся от памятников «полей погребений»³⁹ и представляющие собой археологическую культуру, связанную с продвигавшимися на юг из лесов Подесенья и Посемья северянами⁴⁰. Имело место и обратное явление. В послегуннское время древнее, быть может, уже тюркизированное население было оттеснено на северо-запад, в глубь лесостепной полосы левобережья. Здесь в среде северян растворились и ассимилировались потомки савиров — черных болгар, оставив по себе память в названии Чернигова, в древних легендах о Черной Могиле, о князе Черном и княжне «Чорне», в именах черниговских «былей», в курганах со срубными погребениями IX—X вв. на Черниговщине, в памятниках письменности, близких к салтово-маяцким и древнеболгарским (находки у входа в пещеру на горе Синайке у Рыльска)⁴¹.

Таковы некоторые дополнения, которые можно сделать к статье М. Ю. Брайчевского.

Некоторые положения М. Ю. Брайчевского вызывают сомнения: утверждение об архаичности обряда сопроводительных погребений (стр. 31—32), доказательство высокого военного искусства антов путем приведения примеров из области военного искусства славян (стр. 24—25), хотя византийцы их отличали друг от друга, напрасные поиски противоречий в датировке городищ роменско-борщевского типа (стр. 32 и др.), но они не могут повлиять на основные его выводы.

³⁸ «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 222; Б. А. Рыбаков, Древние русы, стр. 43—44; В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, стр. 42—43.

³⁹ И. И. Ляпушкин, Памятники культуры «полей погребений»..., стр. 28—29.

⁴⁰ И. И. Ляпушкин, Поселения эпохи железа в бассейне реки Ворсклы, «Краткие сообщения ИИМК», т. XXI, 1947, стр. 97—98.

⁴¹ В. В. Мавродин, Очерки истории Левобережной Украины, стр. 36—37; Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 11, 1949, стр. 52—53; М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 100—101.